

18+

Артем Октябрьский
*Братья: от Сталинграда
до Берлина*

Книга вторая

Артем Октябрьский

**Братья: от Сталинграда
до Берлина. Книга вторая**

«Издательские решения»

Октябрьский А.

Братья: от Сталинграда до Берлина. Книга вторая /
А. Октябрьский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532949-3

Продолжение истории о красноармейце Артеме Севцове и его братьях. Только лишь на третий год войны все четверо встретятся на одном участке фронта, одном из самых важных участков в Великой Отечественной войне. Но была ли та встреча счастливой или такой же суматошной, как и любая другая, что случается на войне?

ISBN 978-5-00-532949-3

© Октябрьский А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Засада	6
Прохоровка	11
ПТОП	17
Помощники	21
Нежданная встреча	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Братья: от Сталинграда до Берлина

Книга вторая

Артем Октябрьский

Александра Кохановская *Дизайнер обложки*

© Артем Октябрьский, 2021

© Александра Кохановская, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-2949-3 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-5319-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Засада

Грохот взрывов было слышно за много километров. Взрывная волна опрокидывала грузовики, сбивала гусеницы и ходовую часть танков. Наша танковая бригада еще не доехала до линии фронта, а уже несла потери. На железнодорожной станции села «Вязовое» нас ссадили с поезда, предоставили танковой бригаде и дали приказ на машинах отправиться в сторону Прохоровки. Дорога была спокойной, однако, проезжая вдоль реки «Журавка», на повороте на юг по нам ударили минометы и пулеметы. Я выпрыгнул из машины и, держа в руках ПППШ, скатился в кювет. Там уже сидели уцелевшие солдаты бригады, в том числе и солдаты из моей роты. От взрывов минометных мин содрогалась земля, нас осыпало грязью и щебнем. Я решил ползком подняться, и посмотреть, откуда бьет противник. Когда я оказался на окраине дороги, то увидел, как из рощи, что была на берегу реки, шел шквальный огонь. Дабы не поймать пулю, я спустился обратно, и, пригнувшись, отправился искать радиста. В конце колонны ехали три десятка «Катюш». Необходимо было вызвать артиллерийский удар по роще. Пока пробирался, спотыкаясь о лежащих солдат, я немного огляделся. Кювет был достаточно высокий и напоминал чем-то овраг, коих здесь было валом. Дым от дороги поднимался в небо. Закрыв собой солнце, он превратил день в ночь. Несколько солдат лежали на краю дороги и пытались отстреливаться, кто-то стащил в овраг миномет и даже артиллерийское орудие. Грузовик съехал с дороги после первого взрыва и орудие было удобно расположено рядом. С него и вели огонь.

Литовченко, командир шестой «двадцатки» в моей роты, перевязывала солдата. Я подбежал к ней, в надежде узнать, жив ли радист и где он.

– Литовченко! – вокруг все грохотало. Я даже не слышал своего голоса.

– Да, товарищ командир? – она подняла голову, продолжая перевязывать лицо раненому солдату.

– Вы радиста видели? Мне нужен радист!

– Нет! А хотя... – она закончила перевязывать и посмотрела в сторону. – Он с Севцовым спускался, чуть дальше! Ищите там!

По пути я все думал, смогу ли я настроить сам радиостанцию, если радист все же убит? Мне объясняли, как нужно с ней работать, ничего особо трудного не было, но опять же, ты не можешь быть уверенным, не опробовав аппаратуру на практике. Пока думал, добрался до Родиона. Он сидел на краю дороги, шквально стреляя в сторону врага, а когда патроны закончились, спустился вниз.

– Темка! – крикнул он, увидев меня. – Мать твою за ногу, живой! Что делать будем?

Родион сел на колено и стал менять диск ручного пулемета. Я пригнулся от взорвавшейся недалеко на дороге мины и, оглушенный взрывом, сказал:

– Мне радист нужен! Саша сказала, ты с ним спускался! Где он?

– Саша? – удивленно посмотрел на меня Родион. – А, Литовченко, что ли? Спускался, да, но где сейчас – черт его разберет! Поищи чуть дальше, может там, а я наверх.

– Иди, только осторожней!

Родион полез наверх, а я побрел дальше, как раз проходя мимо артиллерийского орудия. До этого мне еще не доводилось быть в такой близости к артиллерии, и когда оно, орудие, выстрелило буквально в пяти метрах от меня, в голову ударил звон и волна от выстрела. Я схватился за голову и упал на колено. Ко мне быстро подбежал заряжающий орудия.

– Товарищ лейтенант, вы ранены?

– Нет-нет... – ответил я. – Просто голова. Я в порядке, сержант, спасибо. Продолжайте вести огонь.

– Так точно!

Сержант убежал обратно к орудию, а я продолжил движение. Наконец, я увидел радиста. Он сидел со станцией и судорожно пытался наладить связь. Я подбежал к нему.

– Товарищ сержант, нужна поддержка артиллерии! Свяжитесь с «Катюшами» в конце колонны! Нам нужны «Катюши»!

– Пытаюсь, товарищ лейтенант! Связь ни к черту! Пытаюсь!

– Пытайся, пытайся, дорогой! – я внезапно перешел на «ты». – Я наверх! Если что-то будет не так – зови!

– Есть, товарищ лейтенант!

Я подлез к краю дороги. С другой стороны, с рощи, уже шли немецкие солдаты. Я снял ППШ с предохранителя и начал стрелять короткими очередями. Вокруг был просто ад. Целые, или хотя бы стреляющие танки обстреливали рошу, солдаты стреляли с края дороги, машины горели. Но, несмотря на огонь, немцы упрямо подходили все ближе к дороге, и этому я не мог найти адекватного объяснения. Скорее всего, так мне показалось, что в отчаянной атаке на вражескую колонну немцы, потерявшие всякую надежду на спасение, решили уничтожить как можно больше советских солдат. Из-за дымовой завесы, которую они, немцы, поставили в самой середине рощи, было невозможно в кого-либо попасть, стрельба велась на вспышки выстрелов, какие-то образы, мелькающие в дыму. Заградительным огнем красноармейцы время от времени заставляли фашистов залечь. Спустя минуты две такого хаоса ко мне снизу подполз радист.

– Товарищ командир!

Снаряд миномета разорвался в каких-то десяти метрах от меня, мне на каску посыпался щебень и земля, в голову ударила взрывная волна, спасло мое положение, я удобно лег с краю дороги, она скрывала большую часть туловища. Отряхнув голову, я повернулся.

– Что? – спросил я, глядя на него.

– Я уже... – еще один минометный снаряд взорвался недалеко.

– Что?! Я не слышу!

– Я говорю, я...

В этот момент послышался оглушительный свист. Отвернув голову, я увидел десятки ракет, летевших с конца дороги и затем падавших на рошу. От взрывов ракет дрожала земля, со стороны рощи понесло жаром, крики немцев было не слышно среди грохота ракет. Все стихло через каких-то десять секунд. Было слышно лишь треск горевших деревянных кузовов грузовиков. В воздухе стоял противный запах гари, и жженого металла. Я снова повернулся к радисту.

– Так, что вы хотели сказать, товарищ радист?

– Я хотел сказать, что уже связался с «Катюшами».

– Я заметил, – на моем лице появилась улыбка.

Радист улыбнулся в ответ, а я встал и аккуратно начал переходить дорогу. Скорее всего наши РЗСО не оставили ничего живого в той роще, но нужно было быть осторожным. За мной следом поднимались солдаты. Я подошел к противоположной стороне дороги. Родион встал рядом.

– Откуда же здесь немцы, а? – спросил он.

Я некоторое время молчал, вглядываясь в размолотую земляную кашу, на месте которой всего минуту назад была зеленая роща с березками.

– Не знаю, – сказал я, наконец, – может отставший арьергард.

– Не велики ли силы для арьергарда? Я думал в них меньше солдат.

– Мы не можем сказать наверняка. Я видел только несколько десятков немцев, что с роши шли. Сколько их было в самой роше, непонятно. Быть может, не только арьергард, но и энные подразделения, которые мы на марше пропустили.

– Во всяком случае, я думаю, добренько их там было, – сказал Родион, качая головой. – Минометы так нас задавили, их там точно штук десять было, минометов, я имею в виду.

– Во всяком случае, я узнаю потом у полковника.

Спустя пару минут, ко мне подошел замполит.

– Товарищ ротный командир.

– Да? – я повернулся.

– Я тут посчитал, – замполит оглядел дорогу. – Шестнадцать грузовиков разорвало, из них девять полных людей. В овраге лежит тридцать три тела, примерно, это не считая тех, кто лежит на дороге. Здесь четыре взвода, не меньше. Почти полностью разбит зенитный дивизион, половина артбатареи. В общем, у десяти танков полностью разбита ходовая часть, три других можно восстановить, шестнадцать грузовиков уничтожило, еще пять подлежат восстановлению, потеряли зенитный дивизион, пол артбатареи, а люди...

Замполит еще посмотрел на всю картину разрушения и, тяжело вздохнув, сказал:

– Человек сто пятьдесят – двести потеряли... просто так.

– А с моей роты? – спросил я.

– Ну, не знаю. Может человек двадцать – тридцать.

Я повернул голову, и, осознав масштабы потерь, сказал:

– Нет, Григорий Викторович, – посмотрел я на замполита, – они погибли не зря. Они погибли, защищая страну от фашизма, и даже те, кто не успел ничего сделать, ехали защищать Родину. Они погибли не зря, товарищ замполит. – Я снял каску и отряхнул от мусора. – Нужно доложить комбату.

Сложно смириться с тем, что кто-то погибает вот так, по пути на передовую. К обычной-то смерти солдата привыкнуть невозможно, хотя если смотреть на всю войну, то стоило бы, а к смерти неожиданной, которая даже не в бою на передовой, а в пути на передовую, привыкнуть еще сложнее. Конечно, эти ребята погибли не просто так, нельзя так говорить, что просто так. Просто так на войне никто не погибает.

Я посмотрел на солдат, осматривающих тела погибших бойцов.

– Родь, ты это... построй роту, посчитай, кого нет.

Родион, казалось, не расслышал меня, или намеренно проигнорировал этот не то слабый приказ, не то просьбу, которую я так неуверенно выдал.

– Я что, тихо говорю? – прикрикнул я, повернувшись к Родиону. – Немедленно построить роту, хватит сопли жевать!

Мне показалось, что Родиона даже удовлетворил такой ответ. На углах губ показалась еле видимая улыбка. Он отдал честь и со словами: «Так точно!», ушел, отдавая приказы солдатам.

Я подошел к трупам красноармейца, и присел. Молодой сержант в новеньком обмундировании с погонами, к которым я еще не привык, на груди его красовался орден Красного Знамени. В горле у него был осколок железа, от чего вся его одежда была пропитана кровью. Я закрыл ему глаза, а сам подумал: «Прямо как Катю». От этой мысли стало тяжело на душе. Подошел Родион.

– Товарищ лейтенант, рота по вашему приказу построена!

– Хорошо. Встать в строй.

Родион встал в голове строя, который расположился с краю дороги. Командиры «двадцаток» вышли из строя. Я встал с колен, подошел и посмотрел в глаза командиру третьей «двадцатки» Ковальчуку. Он, казалось, был самым хмурым среди всех.

– По порядку рассчитайсь! – дал я команду.

– Уже рассчитались, – сказал Родион.

– Сколько?
– Девяносто шесть. Трое ранены, остальные убиты.
– Откуда такая точность?
– Разрешите? – спросила Саша.
– Разрешаю.
– Вся наша рота устремилась в овраг, в начале боя. У меня трое раненых, у остальных раненых нет.

– Понятно. Двадцать один человек убит. У кого больше всего людей погибло?
– У меня, – сказал Ковальчук. – Четырнадцать ребят полегло.
– Ясно, – я глубоко вздохнул. – Слушайте приказ. Пятая и шестая «двадцатки» пополняют другие за счет своих людей, даже если это приведет к расформированию. Будем надеяться, что нам быстро дадут пополнение. Но этим займемся потом, когда прибудем в место расположения. Сейчас нужно расчистить дорогу от обломков и грузовиков. Саперы пусть танки буксируют, а вы дорогу расчищайте. Сейчас должен уже комбат подъехать. Вопросы? Приступайте.

Бойцы принялись расчищать дорогу. Вскоре и другие построенные роты начали сталкивать остатки грузовиков в кювет. На служебной машине приехал комбат Васильев, который ехал в конце колонны и только пробился в пробке. Сам был среднего роста, хотя довольно крупный, голос его был хриплый от прошлогоднего ранения в горло.

– Командиры рот, стройся! – крикнул он, еще не высунувшись из «виллиса».

Мы построились. Я возглавлял первую роту, поэтому стоял первый. Когда комбат подошел, я начал командовать:

– Командиры! Равняйся! Смирно! По порядку рассчитайся!

Да, и к «офицерам» я еще не привык. Весь сорок второй, сколько было военных в Сталинграде, всех называли командирами. Как-то приелось к языку, хотя казалось бы, молодым перемены даются легко.

Итоговый счет дошел до девяти. Одного офицера не хватало.

– Расчет окончил лейтенант Белоглазов!

Подойдя к комбату, я начал сдавать рапорт:

– Товарищ командир батальона, ротные командиры, в числе девяти человек, по вашему приказу построены. Отсутствует один. Причины отсутствия выяснить не успели. Рапорт сдал лейтенант Севцов!

– Выяснить, где отсутствующий и доложить, немедленно!

– Есть!

Я побежал в поисках замполита. Увидел его, как он руководил укладкой трупов вдоль обочины. Я подбежал к нему.

– Григорий Викторович, вы знаете, где командир четвертой роты?

– Тихомиров, что ли? – замполит посмотрел на меня, после чего указал на труп, прикрытый брезентом. – Вон он. Убило его снарядом. Придется его роту разделять. Она потеряла треть своего состава.

– Разберемся. Спасибо большое.

Отдав честь, я вернулся к комбату.

– Товарищ командир батальона, разрешите доложить?

– Докладывайте, – коротко ответил комбат.

– Лейтенант Тихомиров был убит во время боя. Его рота потеряла одну трети своего состава.

– Понятно, – комбат оглядел лежащие у обочины тела. – Встать в строй.... Так, у кого какие потери?

Мы все доложили о потерях. Комбат покачал головой, на лице его явно виднелась печаль и сердитость, и неудивительно! Тяжело вздохнув, он сказал.

– Сейчас расчистим дорогу и отправимся в район базирования. Как только прибудем, я доложу обо всем полковнику. Мы разделим оставшуюся роту Тихомирова и восстановим другие роты. Все равно как минимум одну мы потеряли. Все ясно?

Все офицеры хором ответили: «Так точно!»

– Хорошо. Занимайтесь расчисткой. Нужно как можно быстрее закончить. Промедление для нас сейчас губительно. Выполнять!

Прохоровка

На очистку дороги у нас ушло около получаса. Проверив рошу, вернее то, что от нее осталось, стало понятно, что те немцы действительно были арьергардом, который попал в окружение. Видимо наши войска продвигались так быстро, что попросту обошли его и прижали к реке. Вопрос был только в том, почему он до сих пор не был уничтожен, как наши войска их пропустили? Так или иначе, мы расчистили дорогу, и конвой снова начал готовиться к отправке. Ко мне подошла Саша.

– Твоя машина уничтожена? – спросила она.

– Да. Буду теперь в грузовике ехать, с другими.

– Зачем в грузовике? Мы вон с Родионом на броне всю дорогу ехали. Поехали с нами.

– Ну, можно и так.

В наш разговор ввязался замполит.

– Надо ехать, товарищи. Кромышев приказал. Он сам поедет в середине колонны. Решил, что более в хвосте ошиваться не будет.

– Ясно. Я тогда пошла, – сказала Саша. – Так ты с нами на броне?

– Да, скажи Родиону, что сейчас приду.

Саша ушла, а я смотрел вслед на ее одежду, особенно на плотно сидящие бриджи. «Неужто ей удобно ходить в таких штанах?» – пронеслось у меня в голове.

– Я это... – начал замполит, – хотел сказать спасибо за то, что помог мне тогда, на вокзале.

– Да ладно. Подонков в мире хватает. Ну, – я надел свою фуражку, что нашел на дороге, и отдал честь, – идите, Григорий Викторович к своему транспортному средству, а я на танке поеду.

– Езжайте, товарищ лейтенант, – он в ответ отдал честь. – Увидимся на месте.

Я подошел к танку, на котором сидели Родион, Саша, и еще один незнакомый мне рядовой. Родион, увидев меня, поправил пилотку и сказал с ухмылкой:

– Что, товарищ командир, решили спуститься до нас, простых смертных?

– Я тебе сейчас в лоб дам. На, лучше поддержи автомат, смертный.

Родион, смеясь, взял автомат, и я залез на танк. Двигатель был горячий. Чтобы не сжариться, ребята постелили брезент. Колонна поехала. Я облокотился на башню танка, сильно хотелось спать.

– Ты поспи, командир. До места еще час-другой катить. Отдохни, – сказал Родион.

Я запрокинул голову назад и расслабился. Гул танка, дрожь двигателя, все это просто убаюкивало. Я не заметил, как уснул.

* * *

Я вижу яркое солнце, чувствую свежий речной воздух. Это набережная моего родного Сталинграда. Погожий летний день. Я сижу за столиком, пью кофе. По реке проплыл пароход. Вокруг ходят люди, смеются. Молодые люди сидят на тротуаре с инструментами и играют веселую музыку. Вокруг них собрались прохожие. Я сижу, и мне очень хорошо. Оплатив кофе в нашем любимом кафе, я иду домой. Вдруг завыли сирены. Я смотрю на небо и вижу сотни самолетов. Буквально за несколько секунд чистое небо покрылось черными тучами. Потом свист, грохот. Я сорвался с места и побежал вниз по улице. Бегу и слышу крик: «Артем! Артем!».

– Артем. Артем!

Я кое-как стал отходить ото сна.

– Что такое? – спросил я, протирая глаза.

– Просыпайся. Мы уже приехали.

Это была Саша. Она толкала меня в плечо, сидя на коленях.

– Куда?

– В Прохоровку, куда ж еще. Давай, тебя полковник ждет.

– Иду-иду, – сказал я, от души зевнув.

Уже был вечер. Бригада стояла на краю деревни. Солдаты разгружали ящики с грузовиков, танкисты проверяли гусеницы своих машин, артиллеристы заряжали «Катюши» ракетами. Небо было покрыто тучами, а с заката светило оранжевое солнце, прорезая насквозь серые водные массы. Я протер глаза, слез с танка и пошел к замполиту. Он стоял и командовал разгрузкой снарядов для артиллерии.

– Товарищ замполит, не знаете, где я могу найти комбрига? – сказал я, поправляя гимнастерку.

– А чего не знать, знаю. Вон, в том доме. У него там штаб.

– На краю деревни? Интересно...

– Ну, а что? Колонны все через край проходят. Здесь их удобно встречать.

– Ладно, спасибо, товарищ замполит.

Я пропустил проезжающий мотоцикл и пошел к дому. Ничего необычного. Деревянная хижина, окна завешаны, вокруг прибранный дворик, на ветерке колышется мелкая травка. Природа определенно стала мне нравиться еще больше. Я подошел к двери и постучался.

– Кто? – донесся голос из-за двери.

– Лейтенант Севцов, – ответил я. – Меня искал комбриг.

– Ах, да, – Заходи, лейтенант!

Я зашел. Запах кофе ударил мне в нос. Я прошел по коридору в гостиную. Там стоял стол, карта, радиостанция с радистом – штаб, одним словом. В соседней комнате кто-то возился.

– Как доехали, лейтенант?

– Нормально доехали. Только на арьергард немецкий нарвались. Роту наших положили, гады. Откуда он тут взялся, если линия фронта... мать честная...

– Ну, разве так надо встречать сослуживцев?

Это был дядя Серега. Высокий, широкий в плечах, с лысой головой и широким шрамом на лбу, которого ранее не было, в офицерской гимнастерке, полковник. Таким мужественным я его даже в Сталинграде не видел.

– Что б меня гром убил... дядь Сергей, это ты!

– Других Сергеев тут нету. Иди сюда, богатырь.

Он обошел стол, и мы обнялись. Я так был рад его увидеть, прижался к нему, как к отцу. Мы не виделись полгода, а от него все так же пахло дешевым табаком. Странно, но ему всегда нравился именно дешевый, низкосортный табак. Чем-то он ему пришелся по душе. Отстранившись, я осмотрел него.

– Во, как же ты так? Ты же был солдатом обычным в Сталинграде.

– Ой-ой, – усмехнулся Сергей, – а ты прям в Сталинграде генералом был.

– Да ладно. Я в хорошем смысле

– Давай кофе попьем. У вас еще есть время перед отправкой.

– А мы еще куда-то поедем?

– Да, ваши позиции чуть дальше. Это танки здесь будут, а вы туда.

– Ладно, – я немного удивился такому заявлению.

Сев за стол, я расстегнул верхнюю пуговицу гимнастерки. Дядя Серега начал наливать кофе.

– Мне не крепкий, – сказал я, – не люблю крепкий кофе. Кстати, а откуда он у тебя? Он ведь не так часто встречается, а с начала войны так тем более.

– Пачку дали в качестве награды. А в твоём Сталинграде откуда кофе был? Ты вроде рассказывал, что у вас там в кафе его продавали.

– Да, продавали. Дядя Коля говорил, что ему поставляют вместе с другими продуктами. Кофе тогда был редким явлением, появился-то только за полгода до войны.

– Твой дядя Коля, случаем, не контрабандой занимался?

– Не знаю, милиция его не трогала, а нам кофе нравился. В любом случае, это было в прошлом.

Сергея пожал плечами и со словами: «как скажешь», налил и протянул мне кружку. Я взял его, понюхал этот приятный запах, отхлебнул. Кофе был необычный, с каким-то сладким привкусом.

– С чем он? – спросил я, улыбаясь.

– Шоколадку чуть—чуть покрошил, – Сергей улыбнулся в ответ. – Товарищи прислали из-за Урала. Трогательный факт. Ну, давай, рассказывай.

– Что рассказывать? – я немного опешил.

– Как дела, как тебе твоя рота, нравится?

– Нравится, даже очень, правда, зеленые у меня ребята. Конечно, они немного поучились, когда полицаев ловили, на переподготовке выучились, да и сегодня, когда нам засаду устроили, тоже опыт получили какой-никакой, а так... ох, не знаю.

– Что? Прямо все зеленые?

– Ну, не прямо уж все. Родион под Севастополем воевал, у него есть опыт, Саша, ну то есть Литовченко, воевала под Москвой в сорок первом, да и там есть еще десятка два опытных ребят. По сравнению с ними уже я зеленый, получается.

– Ты так не говори, – взгляд Сергея приобрел сердитый вид. – Ты в Сталинграде кровь проливал, невеста твоя там погибла, да и Сталинград ты спас, когда немцы к окруженцам пробивались, не забывай. По сути ты один из первых был, кто в Сталинграде по немцам огонь открыл. Надеюсь, не забыл. Ты еще тогда с дедом в окопах твоих сидел, когда мы пришли.

– Не забыл, – сказал я с грустью. – погоди. Дед, где он? – неожиданно пронеслось у меня в голове. – Ты знаешь, куда дед делся после Сталинграда? Он жив?!

– Да жив, не переживай. По крайней мере, когда меня в училище забирали, после того, как немцев окружили, он еще был живой.

– Екарный бабай... – я положил локти на стол и уперся лицом в руки. – Как я мог про него забыть...

– Тебе, видно не до него было. Если хочешь, я сделаю запрос, постараюсь выяснить, где он сейчас и жив ли.

– Хочу, дядь Серег, очень хочу. Найди его, пожалуйста. Не знаю, что с собой сделаю, если не узнаю, где он.

– Все-все, успокойся. Поищу, не переживай.

– Спасибо, я... спасибо.

Мы продолжили пить кофе. Я был погружен в свои мысли, просидел так минут пять. Когда немного очнулся, завел разговор.

– А ты как полковника-то получил?

– Так я ж говорю, в училище меня отравили после Сталинграда. Комбат ходатайствовал, чтобы меня в училище взяли.

– И что? Прямо сразу до полковника?

– Ну, а что? В Сталинграде я какое-то время взводом командовал, в училище способным оказался. Вот считай, ты с ноября по март в госпитале был, а я все это время учился управлять бригадой, ну и другим офицерским тонкостям. Я ж когда узнал о тебе, так сразу ходатайство Ватутину написал, чтобы он тебя с ротой ко мне отправил. Так что я тоже в командовании немного зеленый. Ну, то-есть обучение прошел, а боевого опыта еще нет.

– А у меня наоборот. Опыт боевой есть, а обучение, как таковое, не прошел.

– Наверное, даже небольшой боевой опыт важнее, чем месяцы обучения, я думаю.

– Не знаю, возможно. Только вот этих всех командирских тонкостей я не знаю.

– Знаешь, я вот тебе скажу от себя. Тебе дают задание: держать оборону, и если ты можешь сделать так, чтобы рота это задание выполнила, то больше ничего и не нужно. По крайней мере, это так работает сейчас. Неважно, как к тебе подчиненные обращаются, неважно, как ты к ним обращаешься. Если ты можешь ею грамотно командовать, а рота может грамотно воевать, то все остальное уже второстепенная важность, хотя устав тоже обязан быть. Он же дисциплину держит, а если в войсках дисциплины нет, то как воевать? Никак. Так что мотай на ус: надо, чтобы была дисциплина у тебя в роте, и чтобы солдаты могли воевать. Боевой дух и прочее, ну ты понимаешь. Это такие, базовые вещи, которые от тебя зависят.

– Буду знать. Ладно, – я допил, – пойду я. На позиции ехать нужно, пока совсем не стемнело. Ребятам еще окопы копать.

– А ты что, копать не будешь?

– Я-то выдержу – поспал пока ехали, – а вот они – не знаю.

– Ой-ой, выдержит он. Смотри гимнастерку не запачкай, герой социалистического труда.

– Ладно-ладно. Давай, дядь Серег, увидимся.

– Давай, – мы обнялись, – вызову тебя, как про Архипа узнаю что-нибудь.

– Узнай, пожалуйста. До встречи.

– Давай. Кстати, – он взял мой планшет и поставил на карте метку. – Вот сюда вам ехать надо. Там с вами артиллерийская рота будет, ПТОП организовать сможешь?

– А почему бы и нет? Не так уж и сложно.

– Ладно, ни пуха.

– К черту.

Я вышел из избы. Большинство солдат уже уехало, и только моя рота стояла и ждала моего приказа. Я подошел к ребятам.

– Рота, стройся!

Солдаты построились, и я заметил замполита.

– О, товарищ замполит, – удивился я, – а вы чего здесь?

– А я, товарищ ротный командир, должен проконтролировать, чтобы все выехали из деревни.

– И все?

Замполит немного замялся. Секунд пять он чего-то ждал, видимо, хотел, чтобы я сменил тему, но я молчал. Тогда он сказал.

– На самом деле я просто хотел поехать с вами. Мне ваша рота нравится больше остальных.

– Ну, как знаете, – я повернулся к солдатам. – Все на месте?

– Все, – ответил Родион.

Замполит встал рядом со мной и сказал:

– Нам тут остатки четвертой роты передали на пополнение. Три взвода.

– И сколько теперь нас человек?

– Вместе с новоприбывшими человек сто сорок.

– То есть у нас уже семь «двадцаток».

– Разрешите? – ввязался Родион.

– Что?

– Я проинструктировал новоприбывших о нашем устройстве роты. Мы построились и вывели командира седьмой «двадцатки». Это младший сержант Фролов.

– Младший сержант Фролов, шаг из строя! – скомандовал я.

Из строя вышел молодой худощавый парень, лет двадцати. Я подошел к нему. На груди его красовалась медаль за отвагу, орден Красного Знамени, и медаль «Герой Сталинграда». Увидев последнюю, я искренне удивился.

– Сталинградский?

– Так точно! – коротко ответил младший сержант.

– Где именно?

– В начале на Мамаевом кургане, потом возле Волги, в конце «Красный Октябрь» защищали, а вы, я гляжу, тоже, товарищ лейтенант?

– Тоже. Спартановка, потом Мельница №4, дом Павлова, последними «Баррикады» были.

– Тяжело там было, ребята рассказывали.

– Тяжело... – я немного нахмурился. – Как звать?

– Леня, то есть Леонид, – осекся младший сержант.

– Меня Артем звать, очень приятно.

– Взаимно, товарищ лейтенант, – улыбнулся Леня.

– Иди сюда, герой.

Мы обнялись. Было приятно встретить такого, казалось бы, далекого, но близкого человека, можно сказать, соседа.

– До конца в Сталинграде были? – спросил Леня.

– Нет. После ранения, в ноябре, в госпиталь отправили, а оттуда на Юго-Западный фронт.

А что у тебя?

– А я, когда нас к Волге прижали, вплавь через Волгу переплыл.

– Вплавь?

– Именно, товарищ лейтенант, вплавь, – ответил Леня. – Нас отправили с отрядом вдоль Волги на разведку, но по пути нарвались на немецкий патруль. Отряд перебили, а сдаваться в плен не хотел, вот и поплыл. Потом, правда, пришлось с воспалением легких лежать несколько месяцев, но медаль все равно дали, когда бои за город закончились, – он улыбнулся.

– Ладно, – я повернулся к остальным. – Грузитесь, и выдвигаемся на позицию. Нам еще окопы копать. Ну, а ты, товарищ герой Сталинграда, поехали со мной. Чувствую, нам будет, о чем поговорить.

– Товарищ лейтенант!

Я оглянулся. Это был один из танкистов нашей бригады.

– Слушаю вас, товарищ младший лейтенант. Что-то хотели?

– Да. Нам сейчас надо будет проехать до ваших позиций. Хотел предложить услуги транспорта. По пять человек на каждый танк. Так можно и на грузовиках сэкономить.

– Что ж, толково. Я принимаю ваше предложение. Уж больно понравилось мне на танке кататься. Рота, по машинам!

ПТОП

Мы ехали вдоль железной дороги. Я, Родион, Саша, Леня, и еще один рядовой тряслись на стальной обшивке «тридцатьчетверки». Мы с Леней воодушевленно беседовали обо всем, в частности о Сталинграде, то радуясь совместной победе, то наоборот, затихая, когда речь заходила о потерях. Леня состоял в одной из рот 138-ой дивизии Людникова. Его роту отрезали от дивизии, и они две недели сражались в небольшом доме на набережной. Эта история мне чем-то напомнила дом Павлова, хотя я был там всего единожды.

Танки ехали колонной, сзади ехали грузовики. В какой-то момент, метрах в ста от нас разглядел овраг, он был широкий и глубокий, непроходимый, одним словом. Местность возле Прохоровки полна непроходимых оврагов, но этот привлекал больше моего внимания, чем другие.

– О чем задумался? – спросил Родион.

– Овраг видишь?

– Где?

– Вон там, метров сто-сто пятьдесят.

– Вижу, и что?

– Плохо, что он здесь находится.

– Почему?

– Разве не ясно? Слишком узкий проход для танков. Если наши танки будут здесь прорываться, а впереди будут немецкие танки или орудия, то они разберут наши «Тэ-тридцать четыре» как пирожки в столовой.

– По-моему, немного неудачное сравнение, – сказала Саша.

– Зато понятное.

– А с чего ты вообще решил, что наши танки здесь пойдут в атаку? – поинтересовался Леня. – До линии фронта ехать и ехать. Откуда здесь могут немцы взяться?

– От Сталинграда до границы тоже ехать и ехать, немцы же дошли. Надо рассматривать все варианты.

– И то верно, – сказал Родион. – Мы вон, под Севастополем, ожидали немцев с Сапун-горы, а они бухту форсировали, и во фланг нам ударили. Тогда-то наша оборона и начала сыпаться. Надо продумывать все, что может произойти.

Я снова посмотрел в сторону оврага, надеясь, что нашим танкам не придется здесь наступать. Не хотелось бы мне знать, как же я в тот момент ошибался...

Мы подъехали к позициям, что расположились между оврагом и железной дорогой. Расстояние было где-то в километр, то есть могло уместиться два ПТОПа. Солдаты копали окопы и ходы сообщения. Нас встретил комбат. Вид у него был рабочий, видно, что копал вместе с остальными солдатами.

– Как добрались, товарищ лейтенант? – он спросил, тяжело дыша.

– Хорошо, спасибо, товарищ майор, – я пожал ему руку, – как земля, хорошо копается?

– Не чернозем, конечно, но копать можно, – пот с него лился рекой. Вытерев рукавом лоб, он продолжил:

– Ваши позиции там, возле железки, метров пятьсот от нашего «птопа». Ребята там уже прокопали ходы сообщения, надо передний край закончить. Так что он ваш.

– Ладно. Спасибо, товарищ майор.

Мы подошли к нашему ПТОПу, где уже отдыхали солдаты.

– Ну как, орлы, работается? – спросил Родион с усмешкой.

– Хорошо, товарищ пулеметчик, только закончили мы уже. Дальше ваша работа. Курить будете?

– Потом, – сказал я с энтузиазмом. – Ну, ребяташки, за работу!

Справка:

Только в полосе Воронежского фронта было открыто более 4200 км траншей и ходов сообщения. Для сравнения, это больше, чем расстояние от Москвы до Мадрида. В полосе Центрального фронта эта цифра составила 5000 км. Было построено около 2000 км дорог, восстановлено и возведено заново 686 мостов, всего за два-три месяца железнодорожные войска доставили под Курск более 300 000 вагонов с техникой и грузами.

Прошло три часа. Мы вырыли окоп, все чудовищно устали. ПТОП представлял собой своеобразный улей из траншей, ходов сообщения, и мест, в которых были вкопаны орудия.

Была ночь, но луна освещала все, как днем. Я сидел на бруствере, весь потный и грязный, глоток за глотком отпивая с фляги воду. Болела голова. Мимо проходил Родион, состояние его было не лучше моего, с той лишь разницей, что он копал раздетый по пояс. Он присел рядом.

– Уморился, братец? — с легкой иронией спросил он.

– А то, как же. Пить будешь?

– Давай.

Родион отпил прилично. После оперся руками на землю и стал любоваться луной.

– Слушай, Артем, – спросил он, не отводя взгляда от луны, – ты же у нас офицер, многое знаешь, так вот скажи, если мы в Краснодаре справились с полицаями, то зачем нас еще раз на переподготовку отправили? Считаю, почти два с половиной месяца под Воронежем пробыли, а воевать толком не научились, по крайней мере, я нового ничего не узнал.

– Ну, во-первых, полицай – это тебе не вермахт, во-вторых, та переподготовка была преимущественно для молодых бойцов, которые еще войны не знают. Успеешь еще навоеваться. Кстати говоря, повторять пройденный материал полезно, из школы еще надо было это правило учить.

– Ну и то верно. А что теперь делать будем?

– В каком смысле?

– Ну, там, не знаю, наступать или обороняться, как думаешь? Не зря же ты предположил, что наши танки между оврагом и железной дорогой атаковать будут.

– Да я... не знаю даже. Наверное, оборону будем держать.

– Снова?

– Ну, а что? Летнего немца мы еще бить толком не научились, а зима же не круглый год идет.

– Мда, вот снова ты оказался прав.

– Товарищи!

Это был Леня. Он, казалось, вообще не устал, хотя на его долю выпало окапывать ПТО, а это немалый труд. Он спрыгнул с бруствера с тремя котелками.

– Там кухня приехала, я смотрю, а вас нет, ну и решил взять за вас. Будете?

– Давай, полевой голодоспаситель, – сказал Родион, забирая котелок.

– Чего? – на лице Лени было ярко отражено искреннее удивление.

– Да не обращай внимания, он уже с ума сходит от усталости. – сказал я и открыл свой котелок.

Запах свежей овсяной каши был восхитителен. Ее обычно делали на воде, но нередки были и случаи, когда ее нам преподносили и на молоке, что очень радовало солдат.

– Вкуснятина, – покачал головой Родион.

Мы стали есть кашу, к нам присоединился замполит. Вчетвером мы просидели минут десять, наслаждаясь свежей кашей.

– Слушай, Леня, – я перестал есть, – а кто твои родители? Ты о них ничего не рассказывал.

– Да они...

Было видно, что он ему сильно не понравился этот вопрос. Он замялся, задумался на какое-то время. Я уж было подумал, что его родители мертвы, впрочем, как и многие. Однако Леня подумал и, тяжело вздохнув, начал рассказывать:

– Мои дедушка с бабушкой были очень богатые люди. У них была земля, у них был скот, на них люди работали. Когда я родился, в двадцать четвертом, они были в ссылке, а я жил с родителями в деревне. Жил вроде бы неплохо, но родители как-то со злобой смотрели на наш флаг, на портреты наших вождей. Я не понимал, почему так. В школе нам объясняли, кто такие кулаки, кто такие помещики, а родители о бабе с дедом ничего не рассказывали. Вот в тридцать шестом дед с бабой вернулись. Я, естественно, обрадовался этому. Мы с дедом на рыбалку ходили, с бабушкой я на ферме возился, а вот через три года...

– Что, через три года? —настороженно спросил я.

– Через три года к нам приехала милиция. Деда с бабкой арестовали, а потом, после долгого суда, расстреляли. Я тогда потребовал у родителей объяснений, и они мне рассказали буквально все о них. Я так на них тогда разозлился. Всю жизнь мне внушали, что помещики – это враги народа, что буржуи страшнее животных, а оказалось, что мои родители тоже были помещиками вместе с дедом и с бабкой! Я тогда с родителями сильно поругался, два года с ними не разговаривал. Потом война настала. На фронт от них и сбежал, – Леня тяжело вздохнул. – Вот так вот. Мои дедушка с бабушкой враги народа, а мои родители им потакали. Терпеть их через это не могу! – руки Лени сильнее сжали котелок с ложкой.

– И что, даже письма не пишешь? – поинтересовался я.

– Конечно! Почему я должен им письма писать?

– Хотя бы потому, что они у тебя есть.

Леня посмотрел на меня с глазами провинившегося щенка, ведь он знал судьбу моей матери, как впрочем и судьбы многих родителей ребят с нашей роты. Он опустил глаза и замолк, а я продолжил есть кашу.

– Я все время думаю, – Родион заговорил, нарушив ночную тишину, – а где же наш отец. Ты думал об этом, а Артем?

Я задумался, посмотрел на горизонт. В лицо подул довольно прохладный ночной воздух. В голове промелькнули все мысли, которые я собрал об отце, о том, где он, чем он дышит. Они перемешались в голове, и я застыл на пару мгновений.

– Думал, Родька. Много думал, – ответил я.

– Интересно, где же он сейчас? – повторил Родя и мечтательно взглянул на небо.

– Меня больше интересует, – я наклонил голову в сторону и опустил глаза, – что же такого в нашей семье произошло, что нам всем пришлось разъехаться по разным углам. Мать говорила, это как-то связано с отцом, но вот как, она не сказала.

– Дед тоже особо не рассказывал ничего. Отец мне пару раз письмо написал. В последнем, это было лет пять назад, он написал, что забрал Виктора в Ленинград. Что, если они еще там?

– Не хотелось бы мне в это верить, – я сильно зевнул от усталости.

– Знаешь, – перебил нас Леня. – Я, наверное напишу своим родителям. Эх, Артем, через такую силу придется мне им писать, если бы ты знал. Но ты прав – родители, они все в первую очередь родители. Быть может, за это время уже образумились. Мы под Ростовом-на-Дону жили. Его уже освободили, должны были, по крайней мере. Туда и напишу.

* * *

В течение последующей недели мы месили окопы, едва ли не в буквальном смысле. В основном наши действия заключались в рытье землянок, карауле и создании своего рода уюта в землянках и огневых точках. Под конец недели нам всем раздали листовки, почти с десятком каждому. На них были нарисованы немецкие танки с их техническими характеристиками. Я, конечно, знал ПЗ-3 и ПЗ-4, но мое внимание привлекли несколько новых видов танков: «Пантера», «Тигр», «Фердинанд». Больше всего напряжение давала их лобовая броня

и орудие. Броня была толще, да настолько, что не каждая наша машина взяла бы такую броню, да что там не каждая, никакая наша машина не взяла бы ее в лоб, разве что только СУ-152, у которого снаряды весили, как чугунный мост. У немцев же пушка калибра 88 миллиметров, могла пробить наши танки с довольно большого расстояния. Нам бы пришлось очень туго биться с этими танками, ведь техническое преимущество было явно не на нашей стороне.

Помощники

Как-то вечером я сидел в землянке, рассматривая листовку «Тигра», прикидывая, как можно с этой гадиной бороться. В землянку зашла Литовченко.

– Тук-тук. Можно? – спросила она озорным голосом.

– Заходи, – сказал я, и снова начал разглядывать листовку.

– Тоже листовки выдали?

– Именно, – я посмотрел еще пару секунд на листовки и, будто бы только что вспомнив, что Саша здесь, спросил:

– Что-то хотела?

– У тебя какой-то взволнованный вид. Что не так? – ее вид стал более серьезным.

– Танки меня эти немецкие беспокоят.

– Почему? Танки, как танки, били раньше, будем и сейчас бить.

– Сразу видно, что ты не танкист. В том-то и дело, что я не знаю, как их бить. У нас нет пушек, чтобы пробить их в лоб, а они могут вдарить по нам с двух километров, как на полигоне, и им ничего не будет, а наши танки просто будут на полях гореть от такой техники. Там танкисты голову ломают, аж что-то страшное у них там происходит в штабе, был там недавно. А что нам делать – тоже большой вопрос.

– Есть мысли? – поинтересовалась Саша, наклонившись ближе к столу.

– Не знаю. Придется учить солдат подпускать их ближе и кидать противотанковые гранаты, другого выхода я не вижу.

– Ребята то зеленые, танков не видели еще., – Саша взмахнула рукой в сторону двери.

– И что теперь, спокойно ждать, пока нас это семейство кошачьих разобьет? «Тигр», «Пантера», другого названия будто придумать не могли! – выругался я.

– Как ребят-то учить будем?

– Нужно у полковника танк попросить, – я снова взглянул на листовки. – Будем солдат в окопы сажать, а наши «тридцатьчетверки» их будут утюжить.

– Это не жестоко? – Саша покачала головой.

– Жестоко, – ответил я резко, – а когда было не жестоко? Жестоко, зато реально. Я когда в Сталинграде был, нам надо было засаду устроить на немецкий отряд. Когда мы позиции заняли, мимо меня танк проехал, прямо передо мной. Это было не жестоко? В бою страшнее и жестче в разы, так что это будет не так уж страшно.

– А засада как, удалась?

– Удалась. Танк гранатометчики сожгли, мы солдат перебили, трое наших тогда убило, оплакивали их потом всем взводом.

– Хорошо сработали, – Саша облокотилась на левую руку, смотря на меня.

– Слаженно сработали, – поправил я и зажег горелку для чайника. – Именно слаженная работа даст нам успех в обороне.

Я еще раз задумчиво посмотрел на листовки.

– Завтра комбриг новые листовки раздаст. В них будет инструкция, как с танками бороться, оттуда плясать и будем – я посмотрел на Сашу. – Так ты что-то хотела? А то заболтал тебя тут.

– Вообще-то да, – она ближе подвинулась к столу. – Тут местные приезжали с Прохоровки, ну там молока привезли, хлеба, бойцов подкормить. Как им только не лень ходить на такое расстояние.

– Я понял, – перебил я, вглядываясь в ее карие глаза. – Дальше?

– Они сказали, что в деревне есть одна женщина, живет с дочкой. У нее муж на фронте погиб, сына немцы увезли, а хата вся обветшала, двор неухоженный. В деревне одни дети

со стариками, помочь им никто не может, да и они сами сделать ничего не могут. Я тут подумала, может отправить пару своих ребят к ней, пускай поправят домик с двором. Жалко их просто.

– А если немцы нападут, что тогда?

– От нас до фронта километров-то сколько? Пока до нас дойдут, мы ребят вызовем – они вернуться. К тому же, если мы человек пять пошлем, разве это будет большой уж проблемой?

– Ладно, – сказал я снисходительно. – Уже поздно, завтра решим. У тебя все?

– Да, – она встала и направилась к выходу. – Спокойной ночи.

– Чаю не хочешь? – спросил я.

– Нет, спасибо, Я устала очень.

– Ну, тогда спокойной ночи.

Саша кивнула и вышла из землянки. Я смотрел ей, вслед переваривая то, что она мне только что сказала.

Немного посидев за кружкой чая, я лег спать. А на следующий день я решил сам съездить в деревню. Решил взять с собой Родиона, Леню и еще пару опытных бойцов, которых не нужно было подготавливать к встрече с танками. Приехав в деревню, я первым делом пошел к Сергею. Я подошел к двери его хижины и постучал.

– Кто? – донеслось из глубины дома.

– Севцов!

– Заходи!

Я зашел. В горнице ничего не изменилось, стол, карта, все как всегда. Сергей сидел за столом и вчитывался в какой-то документ.

– Здравия желаю, товарищ полковник.

– Здоров, лейтенант, садись.

Я сел напротив него. Просидев с документом секунд десять, Сергей отложил его и обратил внимание на меня.

– Что-то хотел? Чай будешь?

– Нет, дядь Серег, спасибо, я по делу.

– Интересно, по какому же?

– Моей роте нужен танк.

– Ух, ты! Вот так сразу? И для чего же?

– У большинства моих солдат танкобоязнь. Чтобы ее изжить, мне нужен танк.

Дядя Серега погладил подбородок.

– Собрался утюжить своих ребят в окопе?

– Они не должны бояться немецких танков, – решительно заверил я. – Мне нужно, чтобы они видели в этих машинах врага, которого нужно уничтожить, а не чудовище, которое надо бояться.

– Что ж, разумно, – Сергей достал портсигар, вытащил сигарету и закурил. – Ладно, я выделю тебе один танк, все равно простаивают. Ты только за этим сюда приехал сам?

– Нет, мне нужно в деревне кое-кому помочь.

– Женщине с девчонкой? – уточнил Сергей.

– А ты откуда знаешь? – удивленно спросил я.

– Да о них тут все говорят. Досталось им сильно. Так чем ты помочь хочешь?

– Пару бойцов взял с собой, дом там поправить, порядок во дворе навести.

– Ну, это ты молодец, – он потушил папиросу. – Хотя отсутствие комроты это не очень хорошо, заместителя то тебе еще не прислали. ладно, думаю на несколько часов тебе отлуп можно дать, – Сергей усмехнулся. – Если стройматериалы какие-нибудь пригодятся, у деревенских попроси. У них есть, я знаю, да и щедры они на это дело. Если что-то будет нужно еще – обращайся к нам, у нас тут тоже завалилось всякое полезное.

– Спасибо, дядь Серег, – я недовольно задумался. – Когда уже немцы в атаку пойдут?

– Не знаю, – Сергей посмотрел в окно. – Может, через две недели, может, через месяц. Все соседние бригады уже досконально окопались, готовятся к обороне, и нам тоже надо. Я прикажу саперам вокруг ваших ПТОПов минные поля поставить, так что аккуратней будьте.

– Хорошо, я доложу солдатам. Разрешите идти? – я встал.

– Обожди, у меня для тебя хорошая новость.

– Что такое? — взволнованно спросил я, перебирая все хорошие новости, которые он мне мог предоставить, хотя внутри я уже знал, что он хочет мне сказать. Сергей встал и подошел ко мне.

– Архип твой на соседнем фронте, Центральном, на севере от Курска полком наших гаубиц командует.

– Да ладно, живой? – обрадовался я.

– Живой, никуда он не денется. Я ходатайствовал в штаб фронта о переводе его с дивизионом в нашу бригаду. Ответ пока не пришел, но полагаю, что будет положительным, у нас здесь дела с танками немецкими плохи будут явно, артиллерия нам нужна. С другой стороны, за счет соседей себя укреплять – тоже не хорошо, могут не разрешить.

– Ну, даже если не разрешат, то ничего. Он же живой!

– Так-то да, но я просто подумал, тебе рядом с ним всяко-разно будет лучше, вот и дал ходатайство.

– Конечно лучше! Это же мой дед!

– Он тебе не родной, забыл?

– Иди ты к черту, полковник! Он с самого детства со мной. Роднее его у меня никого нет.

– Ну все, остынь, лейтенант, а то живо струны подтяну тебе. Вечером сегодня зайди ко мне, ответ должен прийти.

– Так точно, явлюсь. Могу идти?

– Иди, герой соцтруда.

Мы вошли вглубь деревни, и, пройдя десяток домов, вышли к нужной избе. Дырявая крыша, повалившийся забор. Посреди двора лежало несколько больших бревен, ветки которых были срублены, но сами бревна можно было распилить только двуручной пилой. Родион осмотрел двор и подвел итог:

– Саша была права. Дом сильно обветшал.

– Я, конечно, извиняюсь, – сказал коренастый Жора, – но, товарищ лейтенант, разве это наше дело?

– В каком это смысле? – я посмотрел на Жору.

– Ну, в смысле вот этот дом. Нам до него какое дело? Почему мы должны здесь что-то делать?

– А ты что, сломаешься, если сможешь женщине с ребенком? – грозно спросил Родион.

– Не сломаюсь, просто мне немного непонятно.

– Значит так, – я вышел и повернулся к товарищам. – Я пришел сюда, чтобы помочь человеку, у которого случилось горе. Муж этой женщины погиб, а сына угнали в Германию. У меня, как у советского человека, есть ответственность за того, кто нуждается в помощи. Жителям этой деревни остается надеяться только на нас, как в обороне, так и в простой помощи по дому. Всем мы не поможем, но если сможем помочь хотя бы одной семье – уже будет плюс. Со мной вы, или нет – решать вам, а я пошел.

Я повернулся и вошел во двор, направившись к дому.

– Все-таки не зря его до лейтенанта повысили, – сказал Родион, задумавшись.

– Да, с таким командиром и под танки лечь не страшно, – с гордостью сказал Леня.

– Ну, в окопе грязь месить мало охота... – почесал затылок Жора.

– Может, пройдем во двор? – предложил Витя, поправляя винтовку на плече.

– Да, пошли, а то начали тут философствовать, – Родион усмехнулся и пошел за мной.

Жора и Витя были друзьями с детства. До семи лет Жора жил в Петербурге, после чего, в 1920м году переехал в Москву, где и жил шестилетний Витя. Жора вырос коренастым молодым человеком среднего роста, а вот Витя был хоть и высокий, но довольно худой. Как-то раз они вдвоем гуляли в парке, где на них накинута собака. До самого вечера они просидели на дереве, пока собаку не прогнал постовой. На фронт ребята попросились еще в сороковом, во время Зимней войны. Там же Витя получил сквозное ранение запястья, из-за чего теперь не может сжимать пальцы на левой руке.

Я зашел во двор и постучал в дверь, но никто не открыл. Я постучал еще раз, потом еще. Внутри было тихо.

– Где же они могут быть? – спросил Леня.

– В колхозе, где ж еще, – ответил Витя, вытирая пот со лба. – Дочка, небось, еще в школе.

– Мы же обратно не пойдем? – спросил Родион.

– Зачем? – удивился я. – Мы же инструменты взяли, вот и начнем потихоньку двор в порядок приводить. Значит, слушай мою команду. Витя и Жора поправляют забор, Родион наточит вон ту двуручную пилу, и мы с ним будем пилить бревна, а Леня приведет дровяник в порядок и приготовит колун. Все ясно?

– А колун кто-нибудь видел? – спросил Родька. – Я, например, – нет.

– Если здесь есть двуручная пила, значит, и колун должен быть. Надо глянуть в сарае.

Всем все ясно?

– Так точно! – хором крикнули ребята.

Уже через полчаса Витя с Жорой поправили четверть забора, мы с Родькой пилили бревна, а Леня колот и рубил дрова. Атмосфера была веселая – все смеялись, шутили, пели песни. В какой-то момент Родька обратил мое внимание на окно дома.

– Артем, в окне, похоже, кто-то есть, — сказал он, поправив пилотку.

– Да? – я обернулся. В окне мелькнул силуэт, но я успел разглядеть длинные волосы. – Это, похоже, дочка закрылась и не выходит.

– После немцев это неудивительно, – голос Родиона был довольно спокоен.

– Сейчас разберемся, – я подошел к двери и снова постучал. – Слушай, я знаю, что ты там. Мы не фашисты, не хотим причинить тебе вреда. Мы хотим помочь. Открой, пожалуйста, дверь.

С той стороны двери раздался мягкий женский голос.

– Дверь открыта.

Я открыл дверь и впал в ступор: в лицо мне смотрело дуло немецкой винтовки.

– Назад, – скомандовала девчонка. Голос ее дрожал, но взгляд был вполне уверенный – она была готова стрелять.

– Хорошо-хорошо, спокойно, – я отошел от крыльца. Леня с Родионом схватили свое оружие и направили его на девочку, к слову, ей было от силы лет пятнадцать, но лицо было потрепанное, как будто это она вместо нас воевала в Сталинграде.

– Не дури, девочка! – пригрозил Родион. – Нас больше, перебить нас всех ты не сможешь. А если перебьешь, то военная милиция быстро арестует тебя и твою мать. Подумай еще раз.

– Что вам надо?! – крикнула она истерически, дернув ружьем.

– Спокойно. Мы просто хотим помочь.

Я попытался опустить руки и направить их к винтовке, однако девочка отошла назад и выстрелила в землю, после чего проворно передернула затвор и снова направила на меня.

– Я сказала – назад!

– Понял, повторять не надо, – я отошел назад и опустил ствол пулемета, что держал Родион. – Опусть, Родион.

– Ополоумел? – он вытаращил глаза, услышав мой приказ.

– Опустит, я сказал. И ты, Леня тоже. Мы не стрелять сюда пришли.

– Как скажешь, – Леня недовольно опустил автомат. Родион последовал его примеру.

– Что теперь? – спросил я у девочки.

– Не знаю. Будем ждать маму.

– Слушай меня. Я офицер Красной Армии. Мы не фашисты. Если хочешь, я могу показать тебе свои документы.

Девочка задумалась. Она явно выглядела неглупой.

– Покажи, – скомандовала она, указав мне винтовкой.

Я, не спеша, достал документ из нагрудного кармана и протянул ей. Она медленно подошла и, пытаясь взять документ, немного опустила винтовку. В этот момент я резко схватил ее за ствол, оттянул в сторону, схватив второй рукой девочку за шею. Я не собирался ее душить, но было необходимо, чтобы она выкинула из рук оружие. Леня стоял ближе всех, поэтому он подскочил и выхватил его у девочки из рук. Не став долго держать, я отпустил ее, и она упала на землю.

– Только не убивайте, пожалуйста! Папу убили, брата увезли, я у мамы одна осталась! – девочка заревела.

– Никто не собирался никого убивать, – я присел к девочке и поправил ее русые волосы, – мы просто хотели помочь по дому.

Поняв, что девочка просто так не успокоится, я обнял ее. Через какое-то время она все-таки задышала спокойно, и я ее отпустил.

– Как тебя зовут? – спросил я, вытирая ей лицо.

– Л... Лида.

– Лидия, – задумался я. – Красивое имя. Где мама?

– Она в колхозе работает, скоро должна вернуться.

– Я же сказал, – подошел Витя. – Пойдем, я тебя в дом отведу. Есть хочешь? – он взял Лиду за руку и помог подняться.

– Да, очень.

– Товарищ командир, – обратился он ко мне, – можно я ей часть своего пайка отдам? Я же артиллерист, нам паек увеличили. Пожалуйста.

– Дело твое, – ответил я.

– Спасибо, командир, – Витя улыбнулся и повел Лиду в дом.

– Ты уронил, – Родион мне протянул мой документ.

– Ага, спасибо, – я посмотрел в сторону дома. – Ей бы в школе с подружками бегать, а она дома с ружьем сидит. Будь проклята эта война!

– Ты точно как старик разговариваешь. Война эта навсегда проклятой останется, а зачинщики будут наказаны. А сейчас давай работать. Ружье надо будет изъять, как трофей, – сказал Родион и пошел дальше пилить бревна.

Я согласился с ним, снова бросил взгляд на дом и присоединился к нему. Минуты через две прибежал патруль на звук выстрела. Я объяснил ситуацию, и все продолжили работать. Еще через час мы с Родионом почти закончили с бревнами, а Жора выкладывал из сарая кое-какие доски, чтобы залатать крышу. В какой-то момент к забору подошла женщина лет сорока.

– Молодые люди, а что здесь происходит?

– Добрый день, – отозвался Жора. – Мы тут решили у вас прибраться.

– Здравия желаю. Меня зовут Артем Севцов, я командир первой роты девяносто девятой танковой бригады, которая окопалась в паре километрах отсюда. Мне доложили, что у вас здесь, скажем так, беспорядок, вот мы и решили немного прибраться и помочь по хозяйству.

– Спасибо, но, – женщина замялась, – мне даже отблагодарить вас нечем.

– Не надо нас благодарить, – перебил я. – Мы просто делаем, что должны, помогаем тем, кто пострадал от войны. Если уж хотите нас отблагодарить, то скажите своей дочери, что немцы ушли, и мы не опасны.

– Да, а то бы зияла у нашего командира в голове сквозная дыра от ее винтовки, – съязвил Родион.

– Вы простите ее, пожалуйста, – женщине стало очень неудобно, – она многое пережила, сами понимаете, такое время.

– Я все понимаю, кроме одной вещи: откуда у вас оружие? – спросил я, указывая на лежащую в траве винтовку.

– Сын мой партизанил здесь, вот от него оружие и осталось. Как только его друзей и его самого разоблачили, половину расстреляли сразу, а другую половину увезли. Его тоже увезли. Женщина нахмурилась, стоило ей только вспомнить о сыне.

– Оружие придется изъять, как трофей, – продолжил я, стараясь не обращать внимания на ее эмоции. – Думаю, это понятно.

Женщина хмуро кивнула. Видно было, что мысль о сыне давалась ей очень нелегко, что неудивительно. Родион попытался исправить положение.

– Раз уж мы здесь остаемся на какое-то время, то думаю, нам стоит познакомиться. Меня зовут Родион, а вас?

– Алена, – женщина поправила волосы.

– А по отчеству? – спросил я.

– Не надо по отчеству, не люблю я официальностей. Зовите просто Алена, к тому же я еще не такая старая.

– Я – Жорик! – послышался голос из сарая.

– Леня, – произнес мой земляк, в очередной раз, раскалывая бревно.

– Очень приятно, – улыбнулась женщина. – Но кто вам сказал, что нам с Лидой нужна помощь?

– Мы – коммунисты, Алена, – сказал я с гордостью, – мы едины с народом. Народ нам сказал, кому помочь, вот мы и помогаем. Вы можете идти в дом, мы скоро уже пойдем в часть, пока не стемнело.

– Я все же вас отблагодарю, – задумалась Алена, – не сейчас, но когда-нибудь.

– Как вам угодно, – я пожал плечами. – Если вы не против, мы продолжим.

Жора, Леня и Родион за полтора последующих часа заткнули все дыры на крыше, пока я складывал дрова. Витя тем временем ковырялся в старом мотоцикле, что стоял во дворе. В какой-то момент во двор вышла Лида с кружкой молока, подошла ко мне и протянула ее.

– Выпейте, пожалуйста.

– Я не хочу, – отмахнулся я, сложив очередную вязанку. – Спасибо, но мы недавно поели.

– Пожалуйста! Я так виновата. Я могла вас убить.

– Так, ну, во-первых, не на «вы» – я же старше тебя не намного, а во-вторых, ничего страшного. Не убила же.

Я повернулся и снова стал складывать дрова. Лида взяла черенок и ткнула меня в спину. Когда я повернулся, она ткнула мне кружкой в лицо.

– Пей, – голос ее был строгий, но в то же время забавный.

– Вот же вредина, – я взял кружку и выпил до дна, после чего посмотрел на Витю. – Это твоего отца мотоцикл?

– Да, его, – Лида окинула взглядом транспортное средство. – Ему дали на заводе, как премию, он у меня стахановец... был...

Лида замолчала, минутную тишину поддержал и я.

– Почему же его немцы не забрали? – спросил я.

– Сказали, что его чинить надо, а у них времени не было.

- Ну, вот и хорошо. Витя у нас такой – из консервной банки танк слепить может.
- Я все слышал! – сказал Витя, не отрываясь от мотоцикла.
- Чини, давай, слышал он! Это, между прочим, в твоих же интересах!
- Это еще почему?
- Да потому, Витенька, что транспорта нам не хватает! Не поедет мотоцикл – нам придется тебя запрячь в телегу!
- Так вы его заберете? – спросила Лида.
- Да, Лида, извини, но придется. Мы с твоей мамой уже на эту тему говорили. Фронту нужна любая техника, поэтому мы заберем ваш мотоцикл под расписку, то есть, когда война закончится, вы с мамой можете требовать в сельсовете новый мотоцикл, или что-нибудь, что будет по схожей цене.
- А где же в сельсовете найдут для нас мотоцикл?
- Они уже должны требовать у райкома, насколько мне известно. В любом случае, требовать – право ваше, но сейчас его придется забрать.
- Ну, и хорошо, – Лида поправила волосы. – Немцам не достался, так хоть наши на нем покатаются. Ну, я пошла в дом.
- Хорошо, иди.
- А ты кружку отдавать собираешься, или тоже на фронт заберешь?
- Ой, прости, – я немного дрогнул. – Да, забери, конечно.
- Я отдал кружку, и Лида, смеясь, побежала в дом. Ко мне подошел Витя.
- Плохо у тебя, командир, получается с девушками разговаривать.
- Да ну? – посмотрел я на него.
- Ну, конечно. Вот эта вся вежливость как-то не катит, понимаешь?
- Я вздохнул и буркнул в его сторону: «Твой номер семнадцать», после чего принялся докладывать дрова.
- Тема, ну я серьезно, ты разговариваешь с ней, как с одноклассницей на уроке химии. Девушки любят таких... авантюристов.
- Слушай меня внимательно, авантюрист, – повернулся я с серьезным взглядом. – Если бы я хотел с девочками веселиться, то еще в сорок первом за Волгу бы убежал, а не ждал бы, пока война ко мне в дом придет, а во-вторых, если ты этот мотоцикл не починишь, то я тебя сам в него запрягу, понял?
- Да понял я, чего ты так сразу, – Витя опустил глаза. – Я просто хотел профессиональный совет дать.
- Я не нуждаюсь в советах, когда речь идет об общении с противоположным полом. Иди, работай.
- Понял, командир, – понуро ответил Витя и пошагал обратно к мотоциклу.
- * * *
- Уже через полчаса мы закончили, как и Витя, который починил мотоцикл, но не смог завести, ввиду отсутствия бензина, поэтому этот железный конь пока остался у хозяев. Мы попрощались с Лидой и Аленой и пошли к сельсовету, откуда нас должна была забрать машина. Темнело. В какой-то момент Жора крикнул: «Воздух!». Я оглядел небо и увидел два «мессера», что летят в сторону деревни. Мы разбежались по краям улицы. Самолеты с ревом пролетели над деревней и стали кружить вокруг нее, но буквально через несколько секунд на них налетели наши истребители.
- Вот «Лавочкины», вот сукины дети! – с восторгом кричал Родион.
- Не говори! Откуда они вообще здесь взялись? – сказал я, придерживая фуражку.
- Немцы, или наши?
- Да и те и другие.
- Худые откуда взялись, не знаю, но у наших сейчас патрулирование должно быть.

– Очень вовремя, однако!

«Мессер» сел нашему Ла-5 на хвост, но наш истребитель сделал крутой вираж, потом другой. Уже через пару секунд он оказался позади немца и в упор его расстрелял. Самолет упал на холме, который хорошо просматривался с улицы. Взрыв был очень мощный, как будто взорвался не самолет, а склад с боеприпасами. Видимо рванул снаряд, прикрепленный к днищу немецкого истребителя. Пока один Ла-5 разбирался с этим самолетом, второй гонял «мессер», который, кстати, был очень живуч, вокруг деревни. Два наших истребителя прижали самолет к деревне так, что немец пролетал над самыми кронами деревьев. Долго такой полет продлиться не мог, и «мессер», пытаясь сделать очередной вираж, потерял высоту и рухнул на соседней улице. Мы перебежали огородами и вышли на соседнюю улицу, где, пошибав деревья и заборы с сараями, лежал рухнувший самолет. Носовой винт его еще крутился, двигатель дымил, испускал искры, значит, был готов либо загореться, либо взорваться. Как только мы вышли перпендикулярно ему, из кабины стал доноситься пистолетный огонь в нашу сторону, отчего мы сразу попрятались за деревья, заборы. «Не стрелять! Братья живьем!» – крикнул я своим бойцам. Дав сигнал Родиону ползти в обход, я дал заградительную очередь в землю перед самолетом. Любое попадание по нему гарантировало в лучшем случае возгорание, чего нам было не нужно, ведь доставить в штаб языка – лучшая разведка, в отличие от облета позиций врага на кукурузнике или более продвинутом истребителе. Конечно, в чистом поле спрятаться негде, по крайней мере, у немцев было плохо с маскировкой, как я заметил, но все же, «языков» много не бывает. Пока мы с товарищами пускали очереди и стреляли то выше самолета, то по земле вокруг него, Родион обошел самолет слева и ловко, оставив пулемет на траве, запрыгнул на крыло. Быстро подбежав к пилоту, он сильно сжал нож в руке и ударил немца кулаком в переносицу. Немец потерял сознание. «Все чисто!» – крикнул нам Родион из-за самолета. Мы опустили оружие, и подошли ближе, Родион как раз выволок пилота из кабины. К нам подбежали солдаты.

– Что здесь произошло? – спросил старший сержант.

– «Языка» взяли, – ответил я довольным голосом.

– А вы кто? – сержант выпрямился, поправив покрытую серой пылью каску.

– Лейтенант Севцов.

– Документы? – грозно перебил сержант.

Я протянул сержанту свое удостоверение. Сержант внимательно изучил его и вернул.

– Прошу прощения, товарищ лейтенант. Сами понимаете, время беспокойное. Эти солдаты с вами?

– Со мной. Ничего страшного, сержант. Объявляю вам благодарность за бдительность.

– Служу Советскому Союзу! – отдал честь солдатик.

– Принимайте «языка» и доставьте полковнику, нам уже надо на позиции возвращаться.

– Конечно, товарищ лейтенант, доставим в лучшем виде.

– Ну, давайте.

Мы передали пленного, и обошли стороной самолет. Родион подошел к траве и достал свой пулемет, мокрый от вечерней росы и покрытый мелкими травинками, которые Родион стал убирать. Солнце потихоньку уходило за горизонт, оставляя вместо себя темное небо, покрытое звездами и небольшими кусочками облаков. В воздухе стоял запах летней листвы и паленого алюминиевого дюрала. С края деревни в нашу сторону ехало несколько машин и одна пожарная.

К нам подъехал трофейный «Кубель», как его называли простые солдаты, за рулем которой сидел наш шофер Иван Васильевич.

– Что, молодые люди, умаялись? – спросил он своим привычным добрым голосом.

– Эх, Иван Васильевич, – облокотился на капот машины Родион, – устали мы, как собаки. Как там ребята, соскучились?

– Некогда им скучать, сынок. Нам полковник танк прислал, вот и утюжили мы молодежь в окопах весь день.

– И как? – спросил я.

– Знаете, товарищ лейтенант, по-моему, неплохо. Кого-то все еще трясет, но большинство уже видно, что танков не боятся.

– Да ладно? Вот так сразу и не бояться, за один день?

– А что вы хотели? Некоторых тридцатьчетверка по пять раз за сегодня переезжала, так что немецкие танки они переживут, я думаю.

– Ладно, это хорошая новость. Ну что, поехали обратно?

– Домой, а, Артем? – съязвил Родион.

Эти слова меня довольно сильно обидели. Да, я часто слышал, что солдаты и командиры называют место базирование домом, и пилоты свои авиабазы тоже называют домами, но лично сам никогда не звал домом чуждые мне места. Мой дом был там, в Сталинграде, его уничтожили, теперь дома у меня нет. Стало быть, бездомный? Видно, так, да только называть другие места домом мне душа не позволяла.

Я посмотрел на Родиона и, молча, сел в машину, отвернувшись в сторону уходящего за горизонт солнца, после чего мы поехали обратно, "домой", как выразился Родион.

Нежданная встреча

Весь следующий день я с Родионом не разговаривал. Я вообще не выходил из своей землянки, и к вечеру уже немного успокоился. Весь день я только и делал, что рассматривал листовки по борьбе с новыми немецкими танками, выпивая время от времени чай, и иногда пролистывал страницы книги. За такое могло хорошенько прилететь по шапке, но я не знал, что хуже, отсутствовать в роте вообще, или присутствовать с таким лицом, будто я потерял все. Конечно, если так смотреть, то с войной и я, и многие солдаты потеряли все, но это не показывается в повседневной рутине. Все стараются болеть душой и переживать вне работы, когда никто не видит. Так и сейчас. Я болел душой о городе, в котором я жил всю свою жизнь, а спрятать это в себе на время работы не мог, возраст и характер не позволяли скрывать эмоции. Поэтому я решил просто не выходить из землянки, с мыслью, что если понадобится – позовут.

Ближе к вечеру в землянку зашел Родион, я как раз сидел за очередной главой Тихого Дона. Не сказав ни слова, брат сел за стол и, смотря в сторону, не находя слов, заговорил:

– Я это, Артем... Я тебе вчера сказал... Ты прости меня, пожалуйста. Я не со зла, честно, просто ляпнул не подумав.

– Тебе-то проще такое ляпать, – я посмотрел на стену напротив. – У тебя хоть дом есть.

– Да брось ты, – с досадой сказал он. – Восстановят твой Сталинград, все города восстановят, будет всё лучше прежнего.

– Лучше уже не будет, – я закрыл книгу и положил рядом. – В городе уже нет тех, кто там жил. Люди, конечно, выжили, и довольно много, но моих даже простых знакомых я там вряд ли увижу. Я там буду не нужен, понимаешь?

– Это тебе так кажется, – буркнул Родион.

– Да нет, братец, это так и есть. Мне будет тяжело жить в городе, где погибла мама, невеста, боевые товарищи. Я просто... буду ходить по тем красивым зеленым улицам и вспоминать, как я шел за газетой, как появились в небе самолеты, как буквально за несколько минут город превратился в руины. Тяжко мне там будет, Родион, а деться больше некуда.

– У тебя что, братьев нет? Или ты думаешь, мы тебе будем не рады в наших домах?

– А вам нужен такой угловой жилец? У каждого будет семья, дети, а я буду один или со своей женой в соседней комнате. Не проживем мы вместе долго.

– Выбрось эту херь из головы! – вид Родиона из виноватого стал суровым. – Мы братья к концу концов, ближе нас у нас никого нет, и даже если нам придется в небольшой хибаре жить в четыре семьи, мы все равно будем вместе, запомни это! В давние времена по три семьи в одной хате жили и не помирали, а ты тут разводишь себя на слезу!

Я посмотрел на Родиона с сомнением в глазах. Я не знал, какое меня ждет будущее после войны, и осознание того, что я вернусь в родной город, уже не давало мне такого энтузиазма, как раньше.

– Ты что-то хотел? – спросил я у Родиона.

– Вообще-то хотел извиниться, но меня послали сюда за тобой.

– Кто?

– Литовченко. Сказала, что тебя вызывает полковник.

– Чего сама не позвала?

– Сказала, что нам с тобой есть о чем поговорить.

– Умная барышня, ничего не скажешь.

Я встал с нар, надел гимнастерку и направился к выходу, Родион последовал за мной. Я уже было хотел отворить полотно, но Родион перекрыл мне путь.

– Мы все? Вид у тебя какой-то.

– Все в порядке, Родь, просто мне немного грустно. Да, я уже не обижаюсь.

– Точно?

– Да точно, всё, – я обнял его. – Мне к полковнику надо. Спасибо, что зашел.

– Давай, богатырь.

Я доехал до Прохоровки, вылез из машины и направился к штабу, однако не успел дойти даже до двери, как меня окликнул Сергей.

– Лейтенант! Иди сюда! – он стоял возле нашего танка, который был как бы не танк. У него не было башни, пушка торчала прямо из корпуса, чего я раньше, конечно, видел, но не обращал внимания. Я подошел.

– Здравия желаю, полковник. А это что за чудо без башни?

– Ты что, деревня, самоходок ни разу не видел? – усмехнулся Сергей.

– А, самоходка, – я почесал затылок. – Видел, но как-то особо не разбирался в этом.

– Ну, вот, посмотри, «су» сто двадцать два!. Такая красавица и «Тигров» и «Пантер» прошьет – только в путь.

– Уверен? – усомнился я.

– А то! Ты сомневаешься?

– У нее сектор обзора ограничен, башни-то нет. Если ее только из засад использовать.

– Подвижность у нее нормальная, – Сергей перебил меня, – сможет и в атаку пойти, хотя ты прав: ресурс этот довольно ценный, не стоит просто так рисковать, – Сергей побил установку по гусенице. – Огонь-машина, ничего не скажешь.

– Ты меня вызывал, – я поправил гимнастерку. – Есть что-то для меня?

– Да, у меня для тебя небольшой подарок. Я бы тебе всыпал за то, что вчера не явился, но сдержусь из-за языка, полезную информацию он нам принес. Давай, пошли со мной.

Мы прошли в штаб. На столе стоял свежесваренный чай, лежала какая-то газета, на которую я сначала не обратил внимания, ровно до того момента, пока не увидел на ней мое имя, написанное большим шрифтом. Я взял газету.

– Что это? – я начал читать.

– Ты чего, чудака, газеты не читаешь, что ли? Этой газете уже полгода.

– «Герой-красноармеец спас Сталинград», – прочитал я. – Это про меня, что ли?

– А в Сталинграде много Севцовых было? Про тебя, конечно. Или ты считаешь, что Герои не должны быть в газетах?

– «Саботируя приказы командира-предателя, – продолжил я, – молодой сержант, собрав остатки разбомбленных сил, организовал оборону города стратегического значения, и не дал танкам врага прорваться к окруженным немцам до подхода резервной армии Малиновского. Слава Герою Советского Союза!» – дочитал я.

– И как? – у Сергея просто горели глаза. – Она вышла почти сразу, пока ты в больнице лежал.

– Даже не знаю, – я положил газету на стол. – Газет я уже почти год как не читал, да и не сержантом я тогда был, а простым рядовым.

– Ну, вот, прочитал. Народу как-то тяжело было бы поверить, что рядовой может организовать целую оборону, так что сделали тебя сержантом. Да и потом, знаешь же ты этих журналистов. То одно опустят, то другое добавят. Главное то другое – ты у нас герой, – гордо сказал Сергей, пока наливал чай. – Про тебя знает почти весь офицерский состав.

– Seriously? – удивился я с долей сомнения.

– Конечно. Правда, не в лицо: твоих фотографий нет ни в одной газете, сколько бы я не искал. А так, твою фамилию ставили в пример нам в училище, как пример молодого офицерского энтузиазма, который может в нужный момент спасти ситуацию.

– Что-ж, ясно. А ты чего это три кружки чая налил?

– А я тоже буду, – прозвучал за спиной до слез знакомый голос.

Я обернулся. Это был дед Архип. Вид у него был довольно потрепанный, чего стоили его полностью седые волосы, которые буквально осенью еще были русыми. Морщины на лбу и щеках никак не изменились, а ухоженная борода, которую дед опустил на пару сантиметров той же осенью, блестела как снег. А вот форма преобразилась: офицерская гимнастерка, погоны полковника, пистолет в кобуре вместо привычного для меня пистолета-пулемета – все выдавало в нем офицерский чин. Если мы с Сергеем были богатырского телосложения, и статус офицера подчеркивался этим, то дедушка был среднего роста. Бывший в былые времена довольно полноватым, сейчас он уже похудел и особого грозного офицерского вида не представлял, но голос его слышно, как выразился однажды Родион, можно было услышать за тридцать верст.

– Дед? — я не поверил своим глазам.

– Иди ко мне, медвежонок.

Я обнял его так сильно, как только мог. Мне хотелось кричать, плакать, смеяться, мне хотелось делать все и сразу. Я отстранился и посмотрел на своего дедушку. Этот, с виду строгий и неприступный дед казался таким добрым и мягким, что я поддался эмоциям и пустил слезу.

– Ну-ну не плачь, — сказал дед, вытирая слезу у меня со щеки. — Ты офицер Красной Армии а в слезы решил вдариться, нельзя, факт! На вот, лучше посмотри, что у меня есть.

Он обернулся и протянул мне винтовку. Я взял ее в руки, не понимая, что в ней особенного. Немного потрепанная старая трехлинейка, но одна деталь привлекла мое внимание. С правой стороны, под затвором, красовалось выцарапанное слово «Виктория». Это была моя первая винтовка, которую мне отдал Архип еще в августе сорок второго, в день, когда немцы уничтожили мой город, мой дом, мою семью. Я выцарапал это ничем не примечательное слово, когда сидел в окопе, ожидая, что вот-вот немцы пойдут в атаку. Эта винтовка породила множество воспоминаний одним своим видом, отчего мне стало радостно и грустно одновременно.

– Где ты ее взял? — спросил я.

– Держал у себя когда ты уехал за Волгу, — с хрипом ответил дед. — Мы так немцев потом и били после тебя. У январе я сидел в окопе, а ко мне командир подходит и говорит: «Архип, наши пришли! На Мамаевом Кургане мы соединились!». После этого еще пару деньков повоевали, и немцы флаги белы вывесили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.